

ПОССЕВ

D 21651 E

POSSEV

November 1987

DM 7.— Rbl 3.—

ISSN 0032 5201

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Yearly subscription from Publishers — DM 72 (+ 10 DM mailing charges), from Bookshops — DM 84 (+ 10 DM mailing charges). Air Mail surcharge for overseas countries.

Roubles (R) can be accepted everywhere from visitors, from the USSR.

Great Britain	£	2.50
Holland	Hfl	8.—
USA	US\$	4.—
Switzerland	Sfr	6.—
Israel	₪	6.—
Italy	Lit	5100
Norway	Nkr	27.—
Sweden	Sk	25.—
Switzerland	Sfr	6.—
USA	US\$	4.—

Denmark	Dkr	27.—
Finland	Fmk	16.—
France	Ff	24.—
Germany	Dm	7.—

Australia	A\$	5.—
Austria	S	50.—
Belgium	Bf	150.—
Canada	C\$	5.20

Australia	A\$	5.—
Austria	S	50.—
Belgium	Bf	150.—
Canada	C\$	5.20

Australia	A\$	5.—
Austria	S	50.—
Belgium	Bf	150.—
Canada	C\$	5.20

Слева направо: И. В. Сталин, Г. М. Маленков, Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев.

СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ «НАУЧНОЙ» ДИКТАТУРЫ

«Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ни в чем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилии опирающуюся власть».

В. И. Ленин, ПСС, 3-е изд. т. 41, с. 383

Ноябрь 1987 г.

„П О С Е В” — ежемесячный общественно-политический журнал, выходит за рубежом с 1945 года.

„П о с е в” участвует во внутрироссийской политической борьбе за право, свободу и справедливость. Эта задача определяет направленность журнала, который:

поддерживает российское освободительное движение во всех его проявлениях;

стоит на позициях национально-государственных интересов России;

участвует в обсуждении современных и будущих проблем российского государства (политических, экономических, социальных, идеологических, духовных);

стремится к выявлению в России конструктивных сил, осознающих необходимость оздоровительных перемен во всех областях жизни страны и готовых к активному участию в их проведении.

С 1976 года журнал „П о с е в” выходит также в виде ежеквартального издания, предназначенного специально для переправки в страну и распространения среди советских граждан за рубежом. Ежеквартальник имеет вдвое меньший формат, печатается на тонкой бумаге и содержит избранные статьи из трех текущих номеров.

„Г Р А Н И” — журнал литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли, выходит в издательстве „П о с е в” с 1946 года. В „Г р а н я х” были опубликованы произведения А. Ахматовой, М. Булгакова, И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича, А. Галича, В. Максимова, О. Мандельштама, В. Набокова, Б. Окуджавы, Б. Пастернака, А. Платонова, А. Солженицына, М. Цветаевой и других известных авторов.

Издательство „П о с е в” выпускает также книги российских и зарубежных авторов на русском языке: художественную и социально-политическую литературу, книги по истории, философии, религии, мемуары, свидетельства. Ежегодно выпускает художественный календарь. При издательстве „П о с е в” имеется отдел антикварных и редких книг. Каталоги издательства высылаются бесплатно.

Подписываясь на „П о с е в” и „Г р а н и”, а также покупая книги нашего издательства, вы будете не только в курсе политической и литературно-общественной жизни нашей страны, но и финансово поддержите издание и проникновение этих журналов и книг в Россию.

Условия подписки см. на последней странице.

НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ! — АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

ПОСЕВ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит за рубежом ежемесячно

Год XLIII

Ноябрь 1987

№ 11 (1366)

СОДЕРЖАНИЕ

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ. Письмо в центр НТС (2). — Председателю Совета Народного Трудового Союза российских солидаристов (2). — Валерий С е н д е р о в. Мы помним (3). — Открытое письмо 11-ти о конференции по правам человека (5). — По законам жанра (7). — Открытое письмо 16-ти в защиту С. А. Бухарова (8). — Возвращение с менюэтом (8). — А. Р я д н о в. Баллада о бессмертном Кузьмиче (11). — Демонстрации в Армении (13). — Сергей Г р и г о р ь я н ц. Обращение (14). — Все они одним миром мазаны... Разговор с моряком (14). — Г. Б р у д е р е р. Не проценты с капитала, так капитал с процентов (15). — Показание о преступлении (16)

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ. В. Р ы б а к о в. Тоталитаризм не уйдет из Афганистана. Обозрение (17)

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ОППОЗИЦИЯ. Александр Ю г о в. Наше СОИ (22). — Роман Р е д л и х. ЧК — КГБ. „Великий пример служения революционным идеалам” (29)

ГОСУДАРСТВО, ЛИЧНОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. Фридрих Н е з н а н с к и й. Казнимые сумашествием (32)

1917 — СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ. И. Б е р е з и н. „Великая Октябрьская...” (39). — Н. Р у т ы ч. Ноябрь 1917 в Москве (47). — Аркадий С т о л ы п и н. „Юманите” в дни переворота (51)

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ. Мария Ш н е е р с о н. Будущее — в прошедшем (55). — „Время не ждет!” (60)

Будущее – в прошедшем

(„Март семнадцатого” А. Солженицына)

Мария ШНЕЕРСОН

Чтение исторических романов — особый род чтения. В отличие от произведений, где о судьбах вымышленных героев мы узнаём, лишь закрыв последнюю страницу, историческое повествование на всем протяжении неизбежно включает в себя тему будущего. Так, читая в „Воине и мире” о Наполеоне, торжествующем над русскими под Аустерлицем или предвкушающем победу под Бородином, мы видим его не только в данный момент, но и знаем, что случится с ним в Москве, под Ватерлоо, на острове св. Елены. Это знание не может не влиять на наше восприятие людей и событий, изображенных писателем.

Тем более ни на минуту нельзя забыть о будущем, когда читаешь „Март семнадцатого” (Узел третий „Красного колеса”). Произведение это, основанное на тщательном изучении документальных материалов, рисует главным образом исторических деятелей. Силой своего огромного таланта Солженицын воскрешает прошлое настолько живо, что у читателя создается иллюзия присутствия, чуть ли не соучастия в событиях семидесятилетней давности. Мы находимся в толпе на улицах Петрограда в конце февраля — начале марта 1917 года, в мятежных казармах, в Таврическом дворце, мы как бы влезаем в шкуру самых различных персонажей, проникаемся их взглядами, чувствами, настроениями.

Сроки в „Марте” ограничены лишь несколькими днями (даты и время суток обозначаются на каждой странице), но о каких бы сиюминутных событиях ни шла речь, неизменно в нашем сознании присутствует будущее — то, что должно неминуемо случиться с историческими лицами, страной, народом. Читаем ли мы о наивных иллюзиях монархиста Шульгина, уверенного, что после отречения царя от престола „будет хорошо и безопасно, и России, и самому Государю” (XVI, 741); читаем ли о Ленине, который, живя в Цюрихе, думает поднимать революцию в Швеции, не подозревая, что она совер-

шилась в России; читаем ли о Николае II, которому внушили, что отречение от престола спасет страну от гражданской войны и от поражения в мировой, а ему даст возможность с семьей доживать свой век в Ливадии — о ком бы мы ни читали, в нашем воображении возникают картины будущего: захват власти Лениным и кровавый кошмар гражданской войны; екатеринбургская трагедия, десятилетия сталинского террора...

И если наше знание судеб Наполеона и Кутузова — всего лишь знание далеких исторических событий, то будущее в эпопее Солженицына — это жизнь и судьба наших родителей, старших друзей, да и наш горький опыт, ибо и наши тела корчились под красным колесом истории. Вот почему невозможно бесстрастно читать „Март семнадцатого”.

Безмерную горечь вызывают страницы, рисующие ликование на улицах Петрограда. Ведь мы, как „причастный тайнам” ребенок из блоковского стихотворения, знаем, что радости не будет, что „никто не придет назад”. Но этого не знают персонажи „Марта”.

Вот одна из радостных, а по сути трагических сцен. Вера Воротынцева вместе с читателями Публичной библиотеки ощущает пьянящее счастье: кончился „черный кошмар” — „и вдруг залило всех нечто светлее солнца. Все люди — братья, и хочется обнять и любить весь мир. Милые, радостные, верящие лица... Отныне все будет строиться на любви и правде! Будущее открывается — невероятное, невозможное, немечтанное... Преобразится Европа, преобразится вся планета... Да, это будет впервые на Руси — народная власть, все для народа” (XVI, 393—394).

Или другой коротенький эпизод: „Мама взяла маленькую дочь за голову (запомнилось): ‘Ты будешь счастливая! Счаст-ли-вая!’ Водила дочку на манифестацию” (XVI, 573). Читаю эти строки и думаю: а ведь и мои родители так же ликовали... Сестра помнит, как ходила с ней мать по запруженным народом улицам, помнит красные ленточки,

приколотые к пальто, счастливое оживление вокруг. И что же?! Мать, начиная с 1921 года, скиталась с отчимом по ссылкам, всю жизнь боялась ареста; отчим погиб в сталинских лагерях; и отец мой, и брат сгнули там. Каково же нам читать о тех, кто приветствовал „наступившую целую эру свободы... из которой уже не будет пути назад, во мрак!“ (XVI, 740).

Прямых высказываний писателя о бедах, ожидающих страну и отдельных персонажей, в „Марте“ мы не найдем. Но предчувствие грядущего кошмара возникает в сознании некоторых героев. Поразителен сон, приснившийся Козьме Гвоздеву. Рассказ о нем (Глава 69) по своему стилю напоминает народные духовные легенды, древние сказания, и это указывает на всеобъемлющий смысл вещего сна. Таинственно и торжественно звучит простая речь:

„Увидел: на большом белом камне сидит в посконном, хорошо выстиранном, свежем – седой дед в лаптях... И – плачет дед. Да так горяче, так сокрушно – старуху ли схоронил? избу ли ему сожгли? все гнездо перебили?“ По глазам деда догадывается Козьма: „дед-то – не простой, дед – святой“. И понимает, что „плачет он – не по себе, а – его, Козьму, жалеет“. Но чем горше рыдает дед, тем яснее чувствует Козьма: „да может он – и не по м н е? По мне одному никак столько слез быть не может. А – по ком же?.. Такого и сердце не вмещает“ (XVI, 338).

Смысл этого сна определяется и его местом в эпопее: он помещен между главами, в которых рисуется начало революции – бунт 2-й роты Вольнского полка, решившей „супротив народа не идти“ и отказавшейся „людскую кровушку лить“ (XVI, 339).

О судьбе-то народа, о крови, которой суждено литься потоками, о гибели Земли Русской и плачет святой дед в пророческом сне Гвоздева.

Смутно предугадывают будущее и некоторые другие персонажи. Так, В. Маклаков говорит: „Все мы чувствовали, что идем к какому-то рубикону. И вот дошли. А если уж раскочается Россия – никакая сила ее не остановит...“ (XVI, 690). И Шульгину начинает казаться: „Все это неслось куда-то в пропасть...“ (XVI, 423). И Родзянко „схватило как судорогой, не разведешь: что нашло на Россию некое великое Помрачение. (Как и сказано было, кажется, у кого-то из пророков...)“ (XVI, 499). И некий старик Евсей Макарыч из Углича предсказывает: „...скоро

наступят для всей России горькие времена-бремена... И будет голод много лет. И людей будут опустошать и уничтожать многими тысячами. Сначала будет плохо одним, потом плохо другим, потом плохо всем“ (XVI, 266).

Но суть не в этих предчувствиях и пророчествах. Художник-историк убедительно показал, что предпосылки основных бед и пороков советской эпохи заложены были уже тогда, в первые дни Февральской революции. Она сама по себе, как таковая, несла во чреве своем эмбрионы, которые со временем должны были погубить Россию.

Солженицын опровергает миф о русской революции – „самой короткой и бескровной в истории“ (XVI, 700). Десятки сцен, одна другой страшнее, рисуют злодеяния, совершаемые разъяренной толпой.

Вспомним еще раз сцену ликования Веры Воротынцевой и ее окружения. Уже здесь в мелодию радости врывается грозная тема рока

„Было Вере необыкновенно тепло, светло, но немного и грызло: а что же убивают офицеров? ...Она робко пыталась выразить это в двух группах, ее как бы не услышали, даже не возразили серьезно. Это не ложилось в общий поток восторга, выбрасывалось на сушу как инородное. Ну, случайности, ну, какая революция без крайностей? К светлому будущему невозможно вырваться без каких-то хоть малых жертв“ (XVI, 395).

И затем видит Вера мимолетную сценку, которая для нас звучит как некое *memento mori*: в Михайловский манеж „вводили группу арестованных, по одежде обывателей. Кого-то, за что-то... И за некоторыми тащились женщины с детьми, их отгоняли“ (395).

„Зримые черты коммунизма“ проступают в событиях, в поведении людей, в том, как меняется их психология. И среди этих „зримых черт“ едва ли не главная – оправдание кровавой расправы как явления закономерного, инфляция человеческой жизни, которая не имеет никакой цены в сравнении с „сияющими высотами“ будущего. Главное – то, о чем не раз говорил Достоевский: заблуждение, будто храм всеобщего счастья можно построить на крови.

„Не надо истерики, без эксцессов не бывает революций“, – успокаивает адмирал Непенин тех, кто потрясены зверским убийством шестидесяти офицеров в Кронштадте (XVI, 564). И с точки зрения социалиста Гиммера, то, что „где-то офицеров бьют,

терзают”, всего лишь — „историческая неизбежность” (XVI, 340).

Стихийно начавшаяся под лозунгом „Довольно крови!” (XV, 340), революция разворачивается под лозунгом противоположным: „Бей, кто не с нами!” (XV, 360—361). И — стоило только „крови отпробовать”, как проснулся в человеке зверь. Именно тут таятся корни рокового процесса дегуманизации общества.

Слова о любви и братстве дико звучат, когда читаешь: „Саперный поручик руку поднял: 'Не стреляйте в своих братьев!' Кто? в кого? — и застрелили его наповал” (XV, 361).

Характерен стык двух глав — 185-й и 186-й. Вторая из них начинается восторженными мыслями Шингарева: „Вот чудо — произошло!! ...Такая бескровность победы! — невероятный праздник!” (XVI, 68). А вот концовка предыдущей главы: „...полковник упал мертвый. И еще кинулись его дотыкать штыками, ножами. А толпа ринулась мимо — в ворота, особенно убивать офицеров, кого увидят. И избивая солдат... Самокатчики выходили сдаваться с поднятыми руками. Их били” (XVI, 68).

Писатель не раз подчеркивает, что подобные эпизоды — не случайное явление. Это понял Игорь Кривошеин:

„...короткий арест как будто дал ему новое зрение: на множестве лиц он видел эту новорожденную обнаженную жестокость — и не мог перестать видеть ее. Что-то явилось новое в наш мир” (XVI, 100).

Так волчий закон Большого Террора рождался во чреве „бескровной” революции. Рождалась нравственная почва, на которой (и только на ней!) мог быть воздвигнут Архипелаг ГУЛаг. Если б не проснулся зверь, если б убийство не стало нормой, не могли бы Партия и Правительство загнать миллионы в лагеря. Солженицын прослеживает, как психология будущих доносчиков, следователей, вертухаев, палачей, равнодушных трусливых обывателей формировалась в недрах Февральской революции, как уже тогда складывались основные принципы советской власти: если враг не сдается — его уничтожают; кто не с нами — тот против нас; революцию в белых перчатках не делают; лес рубят — щепки летят.

Не случайно именно в феврале распространилось выражение, столь характерное для

всей последующей эпохи: „враг народа”. И уже тогда вспыхнула „эпидемия арестов” (XVI, 203), „повальных обысков” (XVI, 306).

Писатель неоднократно возвращается к картине пылающего Окружного суда. Это — некий символ: революция началась с поджога правосудия! Она ведь знает лишь один закон — террор. И он вступает в силу с первых же дней.

Символическим кажется и то, что центр нового правительства — Таврический дворец — превращается и в центральную тюрьму. Сюда тащат арестованных со всех сторон, здесь возникает некое подобие застенков будущего. Сразу же появляются и тюремщики-добровольцы. Так, никогда не служивший в тюрьмах и не сидевший в них преображенский унтер Круглов „по склонности быстро усвоил” и „толково применял тюремные правила” (XVI, 235). Нашелся и помощник — прапорщик Знаменский: „хватка у него оказалась тоже тюремная и сильный голос для окриков... весь установленный жестокий режим при нем не ослабевал” (XVI, 238—239). Да и на посты охранников „добровольцы все время находились”. Солдаты и рабочие, учась „тюремному ремеслу”, обыскивают арестантов ретиво, старательно (XVI, 112).

Бывшим царским министрам или видным деятелям, попавшим под арест „иногда по случайному капризу обстоятельств или мстительности своих врагов” (236), было запрещено говорить, вставать с места, смотреть в окно. „Выход в уборную разрешался по одному, с выводным...” (238). Знакомая нам, а в ту пору — дикая картина! И далее — словно бы сцена из „Архипелага ГУЛага”. Арестованных отправляют из Таврического дворца в Петропавловскую крепость. И, сажая их в автомобили, „Знаменский, смакуя, предупреждал: не шевелиться, по сторонам не смотреть, всякая попытка к бегству вызовет применение оружия” (XVI, 736).

Отдельные эпизоды рисуют разгул беззакония. „Одного прохожего арестовали за то, что у него толстая рожа (городовой?). Другого — что слишком быстро шел по улице (хочет скрыться?)” (XVI, 142). Какой-то ретивый поручик-инвалид привел в Таврический арестованных и отрапортовал: „Имею честь доложить, что мною схвачены, обезврежены и приведены тридцать врагов народа! Головы их — отдаю в ваше распоря-

жение, господин депутат!”. Понимая всю абсурдность ситуации, Керенский тем не менее, поблагодарив поручика, скомандовал „тоном революционного омерзения”: „Уведите их”. И толпа при участии конвоя стала избивать несчастных „врагов” (XV, 545).

Характерно для последующей эпохи массовых репрессий то, что проявилось в этой сцене, как и в следующей: комиссар Петроградской стороны Пешехонов, подобно Керенскому, вынужден соглашаться с обвинениями против арестованных, чтобы не уронить своего революционного авторитета и самому не быть схваченным. И он благодарит конвоиров и хвалит за то, что „они трудятся для закрепления революции”. В душе же ужасается: „Грнула... эпидемия или вакханалия арестов! Показалось, что революция катится к гибели: она кончится тем, что все граждане переарестуют друг друга!” (XVI, 310). И далее: „Со всех сторон доносили добровольные горячие доносчики, кто по мнительности, а кто и по злобе, счеты сводя... Чуть не на каждого человека готовы были наброситься как на шпиона” (311—312).

Солженицын убеждает нас в том, что рабство последующих десятилетий корнями своими восходит к Февральской революции. Сами революционные толпы не понимали, в чем суть демократического строя. Показателен эпизод, также поразивший комиссара Пешехонова: „Третий же арестованный обвинялся толпой, что он высказал осуждение революции. Ему приписывали какую-то фразу; сам он, бледный, отрицал, что говорил ее. Пешехонов внутренне затрепетал и вознегодовал: отрицать революцию — право каждого, иначе какая ж это будет свобода?” (XVI, 309—310). Так с самого начала рождалась рабская уверенность, что все обязаны думать одинаково, шагать в ногу и не рассуждать.

Честные смелые офицеры брата Некрасовы, среди прочих арестованных попавшие в Таврический дворец, слушая ораторов, недоумевают: „Царило в массе такое нетерпимое единодушие мнений, которого даже в армии не бывает... И откуда так быстро создалось такое внушительное единство?” — Ответ вытекает из горького опыта самих братьев: „От первых убитых. Вероятно же и здесь не все так думали, но боялись возражать” (XVI, 221).

В офицерском собрании представители Временного Комитета Государственной Думы требуют, чтобы присутствующие едино-

гласно („почему-то настаивали, чтобы только единогласно”) постановили: признать власть думского Комитета. И откровенно взывали к чувству самосохранения: „какие угодно имейте убеждения”, но чтобы избежать расправы — „присоединяйтесь, и е д и н о г л а с н о!” Возмущается вслух лишь один полковник: „Какая низость! Какое раболепство перед новыми правителями! Что же случилось с нами, господа офицеры? Неужели это не мы водили полки всю войну?.. что с нами сделали, а?” (XVI, 324—325). Так несколько кровавых дней отравили страхом людские души.

Писатель показывает, что неразлучная спутница страха — ложь — также рождалась в эти первые дни. Демагогия, фарисейство, обман, которые вот уже семьдесят лет пропитывают все поры советского общества, и от которых при существующем строе не спасет никакая гласность, наполняли речи первых революционных ораторов, первые манифесты и декреты, страницы первых газет.

Все и вся твердили о народе, ставшем у власти, о великом народе и его великом будущем. Но один из главных идеологов революции Гиммер выражает истинную точку зрения своих собратьев: „...все эти многочисленные собрания никакой политики не решают, политика делается несколькими человеками, в задних комнатах” (XVI, 649). А народ — всего лишь „неподготовленная толпа”, одержимая „стадными инстинктами”, „сборище”, способное только „топать, и хлопать, и гаркать 'ура’ ” (XVI, 650—651). Какие решения в состоянии принимать эта „безголовая толпа”, „орда диких штыков”, с которой разве возможно „что-нибудь серьезное обсуждать?” (XVI, 403).

Установление народного правления — чистая фикция. Никто никуда никого не выбирает: и Думский Комитет, и Совет рабочих депутатов — никем не выбранные органы. В них захватывают места наиболее ретивые властолюбцы, и лишь официальная версия гласит: „...Для успешного завершения борьбы в интересах демократии ...в столице образовался Совет рабочих депутатов из выборных представителей заводов и фабрик...” (XVI, 655). Под такой вывеской кипит межпартийная война, рьяные политиканы рвутся к власти и каждый стремится стать диктатором.

„Ленинская выучка всегда была: захватывать руководящие места” (XVI, 603), — раз-

мышляет Шляпников и приводит в Исполнительный Комитет Совета „никем не избранных большевиков”. Нахамкис ставит на голосование в Совете уже принятые постановления ИК, и темные люди, случайно оказавшиеся под рукой и названные „депутатами”, „согласно проголосовали за все решения” (XVI, 102—103).

Характерна сцена составления Шляпниковым и его товарищами листовки, провозглашающей лозунг: „Вся власть — в руки Совета Рабочих и Солдатских Депутатов как единственного революционного правительства!” Шляпников использует обычный прием большевиков. В листовке пишут: „Митинги солдат и рабочих, собирающиеся в Петрограде, принимают следующие резолюции...’ Таких резолюций ни на каких митингах еще не принимали, мы их только сейчас сочиним, напечатаем, разошлем — и вот тогда будут и митинги, будут и резолюции” (XVI, 610). До чего же все это знакомо!

Демократические свободы сразу пресекаются. „По постановлению Совета рабочих депутатов разрешен выход в свет только тех газет, которые не будут противодействовать революционному движению” (XVI, 415). Члены ИК негодуют: „...как же смеет редакция печатать актуальнейшую статью, не спрося позиции Исполнительного Комитета? Каждый член редакции пишет, что хочет?” (XVI, 565—566).

Солженицын приводит выдержки из газет того времени, которые наглядно показывают, что такое „свободная” печать первых дней революции: „Драгоценная кровь народная льется за дело свободы... Петроград — в руках свободного народа... Народ разделяется в настоящее время с наиболее ненавидимыми представителями строя. Они гибнут на улицах и площадях, платя за свою былую жестокость... светлый праздник свободы...” (XVI, 319—320). А вот — в другом месте: „...замыслы слуг тьмы и позора разбиваются о чистую совесть просветленного народа... Свобода слова, неизменно составляющая руководящий принцип общества... новая власть является истинной выразительницей народа и только она может способствовать расцвету страны...” (XVI, 584—585).

Впечатляющие картины, созданные художником на основе подлинных исторических материалов, свидетельствуют, как лжива эта политическая трескотня, какая в ней содержится дезинформация. Именем народа кля-

нутя и божатся те, кто рвется к личной власти, кто претендует на роль вершителей народных судеб.

Уже в дни Февральской революции в сознании политических авантюристов, как и в сознании толпы, зреют психологические и нравственные предпосылки „культы личности”. Кто только не мнит себя спасителем России, кто не убежден, что именно он „знает, как надо”! Председатель Государственной Думы Родзянко не сомневается, что, став во главе нового кабинета министров, он один способен „энергично спасти Россию” (XV, 299); Милюков уверен, что „истинной главой новой России достоин стать только Милюков” (XV, 609); Гучков считает, что „естественно ему стать на рулевое место” (XV, 114); инженер-путеец Бубликов стремится „открыть себе голос на всю Россию!” (XVI, 87), так как и он полон честолюбивых стремлений.

„В смутные эпохи выдвигаются люди по тщеславию, по зависти, по злобе. По неумению быть справедливым, — размышляет В. Маклаков. — Настоящие великие люди, то есть кто видят Россию дальше других, — они мало участвуют в таких событиях” (XV, 689). На страницах эпопеи мы не встретим подобных людей.

Среди рвущихся к власти мнимых спасителей России крупным планом рисует писатель Керенского. Сатирический образ его — один из самых блистательных в портретной галерее, созданной художником-историком. В облике этого деятеля видятся черты „народного вождя”, черты, которым суждено было развиться до чудовищных размеров в другом, куда более страшном человеке. Как личность, Керенский, конечно, мало похож на Сталина, но как явление — он предтеча „гения всех времен и народов”.

Керенский у Солженицына порой даже карикатурен. Но он был бы всего лишь смешон, если б мы не знали, какую роль ему предстоит сыграть за пределами „Марта” и если б другой роковой образ не вставал в нашей памяти рядом с образом этого лицедея.

Вот как звучит внутренний монолог Керенского в минуту взлета, когда безвестный адвокат становится министром юстиции, „вознесенным над всей Россией”: „Александр Керенский — министр!!! Ждала ли этого, могла ли думать исстрадавшаяся Россия?... О, какую свободу он сейчас разо-

льет по лику России! О, как распахнет ее горизонты! И — о, трепещите враги!!” (XVI, 677—678).

Представ перед восторженной толпой, Керенский спешит обрадовать ее: он — новый министр юстиции! И толпа ликует. Она уже сотворила себе кумира: „О, какая взметнулась буря аплодисментов! О, как раскатывалось 'ура' под лепным сводом старого зала! О, этим восторгам не было конца! — и пусть не будет, и пусть не будет...” (XVI, 678). Как не вспомнить тут „бурные аплодисменты, переходящие в овацию”! И как не вспомнить пережитое нами, когда мы слышим речь Керенского: „Товарищи! Свободная Россия не будет прибегать к тем позорным средствам борьбы, к которым прибегала старая власть. Без суда — никто не будет подвергнут наказанию. Всех будет судить гласный народный суд” (679).

Но первые же действия нового министра свидетельствуют о лживости его посулов. Керенский начинает с того, что отправляет в Петропавловскую крепость арестованных, среди коих есть его личный враг, лично им схваченный и потому „излюбленный”.

Поздно вечером распахнулись двери министерской тюрьмы в Таврическом дворце, появился усиленный конвой и „струнно-гроз-

ный Керенский с бумагой в руке, — сердца арестантов захолоули... понимая величие минуты еще больше, чем все эти старики”, „Керенский объявил пронизывающе: 'Все, кого я сейчас назову! — он держал список, но тоже для театральности, он в нем и не нуждался, — будут немедленно отправлены!' И догадался же остановиться, не сказав — к у д а. Это было наиболее страшно. О т п р а в л е н ы могли быть и на тот свет!” (XVI, 734). Пока не появились во мраке крепостные стены, несчастные так и не знали, куда их везут.

Смятение людей, целиком находившихся в его власти, сознание собственного всемогущества, радость удовлетворенной мести — все это доставляло Керенскому неизъяснимое наслаждение... Сколько же раз, сколько десятилетий большие и маленькие керенские будут испытывать такие же чувства, уничтожая тысячи своих несчастных сограждан!

...Под руководством других режиссеров, в другой постановке, с участием других актеров — разыгрывается долгие годы многоактная трагедия, завязку которой с таким мастерством изобразил автор „Марта семнадцатого”.

«Время не ждет!»

Обзор №№ 3 и 4, 1987 независимого журнала „Меркурий”

„Там, на Исаакиевской, мы нашли друг друга: общественные объединения молодых ленинградцев, клубы творческой интеллигенции, экологические группы, — все, кто считает, что демократизация не может быть спущена „сверху”, — она должна развиваться на основе самого широкого привлечения к общественной жизни все новых и новых слоев населения”.

Так пишет в своей передовой „Время не ждет!” журнал „Меркурий” № 3, периодическое издание Совета Культурно-Демократического Движения, возникшего в Ленинграде после мартовских демонстраций протеста против сноса здания гостиницы „Англетер”. Теперь — демонстрации на Большой Разночинной... Но о последних — позднее.

*

Выглядят два последних номера „Меркурия” как типичный самиздатский машинописный журнал семидесятых (разве что осторожничающий странный для Самиздата значок „копирайта” отличает его от „Поисков” и „Часов” прошлого десятилетия). Но это только внешне.

Содержание больше напоминает фронтовые сводки:

„21 июня „Дельта” подключилась к деятельности Движения по спасению Смоленского православного кладбища...”

„Мы предлагаем Вам стать участниками первого рейда: 'Загрязнение — Контроль — Очистка' /.../ Для участия в акции Вам необходимо зафиксировать факт загрязнений и информировать о ЧП телефонограммой или письмом...”